

2008

**Преподавание литературы в советской школе 1960
-70-х гг. и современная поэзия (Тимур Кибиров,
Всеволод Емелин)**

Елена Маркасова

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Маркасова, Елена (2008) "Преподавание литературы в советской школе 1960 -70-х гг. и современная поэзия (Тимур Кибиров, Всеволод Емелин)," *Russian Language Journal*: Vol. 58: Iss. 1, Article 5.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol58/iss1/5>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Преподавание литературы в советской школе 1960 -70-х гг. и современная поэзия (Тимур Кибиров, Всеволод Емелин)

Елена Маркасова

Вводные замечания. Язык и школа.

Разделение функций разных гуманитарных наук, сложившееся в обществе, предполагает несовместимость объектов изучения, заявленных в названии этой работы: проблемами изучения советской школы занимаются историк, педагог, методист, психолог, социолог, антрополог, а современную поэзию исследует филолог. В связи с этим есть необходимость охарактеризовать и сам материал, и методы его анализа, и мотивы объединения в исследовании литературоведческого и социокультурного подходов.

Материалом для статьи послужили поэтические тексты Тимура Кибирова и Всеволода Емелина, насыщенные цитатами, аллюзиями, реминисценциями и потому интересные для изучения феномена интертекстуальности. Этот материал можно анализировать **в литературоведческом аспекте**: исследовать связь текста-донора с текстом-реципиентом, устанавливать источники интертекстуальных элементов, заниматься их классифицированием и типологизацией (см. обзор в: Фатеева: 2007, 4-40;120-121). Однако проблема соотношения текстов (донора и реципиента) может быть исследована не только как филологическая, но и как социокультурная. В этом смысле каждый интертекстуальный элемент можно рассмотреть **в рамках социокультурного подхода к сознанию**, иными словами, объяснить его появление в тексте и его восприятие читателем в связи с «культурным, историческим, институциональным контекстом»¹. При таком подходе приобретает особое значение описание того, какова связь между традициями школьного преподавания, поэтическим творчеством и способностью текстов быть прочитанными и понятыми.

¹ Основу социокультурного подхода составляет идея единства социального, культурного и исторического в деятельности любого человека. Авторитетнейший теоретик социокультурного подхода Джеймс Верч использует понятие «опосредованного действия», которое «зиждется на положении о тесной связи между социальными коммуникативными процессами и индивидуальными психологическими процессами», в связи с чем «в произносимом субъектом высказывании нужно различать, по крайней мере, два “голоса”»(Дурье, 2002).

Конечно, у любой социальной группы есть свои прецедентные тексты, существование которых может быть мотивировано самыми неожиданными причинами, однако стоит обратить внимание на то, что самое большое количество таких текстов (до изменений школьных программ и методов преподавания в 1990-х) оставалось в активном употреблении как результат школьного обучения. Для филолога понятия «литература в школе», «школьная эрудиция», «школьная образованность» означают примитивный уровень знаний о литературе, околонаучный способ анализа текста, наивную картину иерархии авторов, произведений, идей («Пушкин – наше все», «Евгений Онегин» – энциклопедия русской жизни», «В романе я любил мысль народную» и проч.). Однако те же понятия имеют совсем другую коннотацию в представлениях исследователя социокультурных оснований текста². Это направление современных исследований предполагает изучение языка детства и его дальнейших трансформаций во взрослом состоянии (Голубович: 2004; 2006). **Цель** нашего исследования – показать, как школьное преподавание литературы в 1960-70 гг. повлияло на язык поэтов (Т.Кибирова и Вс.Емелина) и предопределило восприятие их творчества читателями. Вопрос о том, **как** пишут современные поэты и **как** их читают, непосредственно связан с темой культурной укорененности поэта и читателя одного поколения в школьном опыте, то есть (применительно к нашему материалу) в истории советской школы.

1. Литература в советской школе

1. 1. **Программы по литературе.** Обязательную программу по литературе и программу по внеклассному чтению утверждало Министерство образования. Списки произведений вручались ученикам или родителям в конце учебного года: предполагалось, что дети за лето прочитают все книги из списка, а затем, в новом учебном году, будут перечитывать их под руководством учителя. Даже если списки не раздавали, можно было взять учебник и самостоятельно посмотреть, что предстоит изучить в следующем году. Формой контроля над летним чтением ученика была проверка «Читательского дневника», представлявшего собой тетрадку, в которой указывали автора, название, имена главных героев, выписывали понравившиеся места из прочитанного, переписывали стихотворения. В учебном году нужно

² Проблематика детства – одна из актуальных областей гуманитарного знания. См. сайты исследовательских коллективов <http://childcult.rsuh.ru/> (Москва, РГГУ) и <http://sovietschool.org.ru/> (СПбГУКИ, СПб.).

было продолжать ведение читательского дневника, а за его ведение можно было получить хорошую оценку, так как строгих требований к нему не предъявляли. В старших классах это практиковали очень редко, но сохранились сведения о том, что такая практика существовала даже в некоторых пединститутах (выпускники Н-ского и К-ского пединститутов 1980-х- начала 1990-х гг. вспоминают, что преподаватели, читавшие курсы русской литературы, требовали от студентов заполнения таких дневников).

С четвертого по шестой класс программы строились по принципу тематической связи, в седьмом классе переходили к изучению литературы по хронологическому принципу, а с восьмого по десятый классы на основе хронологии расширялись представления об истории и теории литературы, полученные учащимися в седьмом классе.

1. 2. **Задачи учителя и формы работы на уроке.** Поскольку литература в школе была одним из учебных предметов, непосредственно связанных с идеологией, Программа министерства просвещения ставила перед учителем задачу «научить учащихся сознательно и глубоко воспринимать идейно-художественное богатство литературных произведений» (Программа по русскому языку и литературе: 1970, 7). «Идейное содержание» должно стать не просто «формулой для ответа», а «стимулом к действию». Именно урок литературы должен «подвигнуть» ученика к действию (Сорокин, 1955:10).

Формы работы на уроках литературы были регламентированы. Первым этапом являлось выразительное чтение, и поскольку считалось, что умение выразительно читать показывает, «насколько ученики овладели идейно-эмоциональным содержанием произведения» (Сорокин: 1955, 64-65; 70). Очень много стихов и прозы заучивали наизусть (минимум 14 произведений в году)³: «Чуден Днепр при тихой погоде», «Руки матери», «Человек - это звучит гордо», монолог Катерины, описание утра из «Записок охотника» («Бежин луг»), практиковалось чтение индивидуальное, громкое, тихое, драматизированное (по ролям), а также школьные инсценировки, тематические вечера и пр.

Запас цитат, благодаря которому можно было проявить себя на уроке, формировался вследствие многократного повторения материала. Сама методика преподавания делала обязательным чтение «литературы из списка»: можно было и не зная содержание текста сказать о том, что «нищета – порок-с» (Ф.М. Достоевский), «не зальют

³ Списки текстов для обязательного заучивания наизусть публиковались сборниках учебных программ. Учителем и консультантами по предмету из числа учеников проводилась проверка в устной форме, письменная проверка выученных наизусть текстов считалась нежелательной.

кровью разума!» (М.Горький), «прислуживаться тошно» (А.С.Грибоедов), или упомянуть «мраморные плечи» (Л.Н.Толстой), «тулупчик» (А.С.Пушкин), «шкафик мой» (А.П.Чехов) и т. д. Умение воспроизводить такие «геральдические» знаки в контрольных и самостоятельных работах, в сочинениях, во время повторительно-обобщающих уроков и на экзаменах было показателем уровня знаний учащихся, а для самих школьников выступало гарантом удовлетворительной оценки (не ниже трех баллов). Именно поэтому преподавание, которое часто строилось как «натаскивание», редко вызывало противостояние учеников: для любознательного ребенка такое примитивное восприятие литературы было, конечно, скучным, а для ребенка, которому был скучен сам предмет, воспроизведение цитат становилось занятием, имеющим прагматическую ценность. На основе общих методических разработок, используемых учителями на уроках литературы, в сознании учеников формировался корпус **цитат-посредников**. Цитаты-посредники не восходят напрямую к литературным произведениям, они сохраняются в памяти как цитаты из школьной повседневности, как минимум знаний о тексте, почерпнутый на уроке. Вот как об этом вспоминает наш информант⁴:

Что я помню? Я не литератор, поэтому ничего не помню... А... да... помню «нас бросала молодость на кронштадтский лед», «чтобы юность новая из костей взошла»... э...э... «укрепляйся мужество сталью и свинцом»... (поэма Э. Багрицкого «Смерть пионерки» – Е.М.). Еще помню «Коммунисты, вперед»... (Стихотворение А. Межирова – Е.М.). «Прорвало однажды плотину одну / на Свирьстрое, на Волхове или Днепре, / и пошли головные бригады ко дну, под волну на морозной заре в декабре/ И когда не хватало предложенных мер и плоты с чертежами

⁴ Нами был проведен опрос 40 информантов 1946-1977 г.р., среди которых были представители разных профессий (филологи (преподаватели, литературные критики, библиографы) (12), врачи (4), учителя (10), офицеры (3), представители технических специальностей (инженеры, программисты) (7), шоферы и бывшие колхозники (4). В статье публикуются реплики и рассказы тех информантов, которые дали на это согласие. Чтобы не ограничивать собеседников, вопросы формулировались неопределенно: «Что из произведений школьной программы производило впечатление? Что Вы любили или совсем не любили из школьной программы по литературе?» Я очень признательна всем, кто поделился своими воспоминаниями о школьных годах и тем самым помог мне найти путь к анализу «языка поколения». Работа над этой статьей была бы невозможна без советов А.Я. Липидус (РНБ, СПб), Н.Л.Елисеева (РНБ, СПб), Ю.В. Кагарлицкого (ИРЯ РАН, Москва), Н.Д. Гусаровой (КПИ, Петрозаводск), М.Б. Елисеевой (РГПУ им. Герцена, СПб), А.А. Кожанова (ПетрГУ, Петрозаводск), С.В. Друговейко-Должанской (СПбГУ, СПб), С.А.Белокуровой, В. Кукановой (СПбГУ, СПб).

грузили на плот, / еле слышно сказал молодой инженер «Коммунисты, вперед!» (декламирует без паузации – Е.М.) Во! Вишь, до сих пор помню... Чуковский, конечно, лучше (смеется – Е.М.) / но без этого было не прожить. В том смысле, понимаешь? Эпиграф удобно было вставлять. Я знал условия игры, что нужно, чтобы получить повыше оценку. (А. В. 1958 г.р., химик-технолог).

Эмоциональная составляющая, воспитание умения переживать были обязательным компонентом урока, поэтому особое место в преподавании занимало выразительное чтение и заучивание тех отрывков, которые представлялись наиболее важными для восприятия текста. Например, из повести «Тарас Бульба» читали вслух отрывки «Казнь Остапа», «Тарас Бульба о товариществе», из рассказа И.С. Тургенева «Муму» - «Как Герасим кормит Муму в трактире», «Как Герасим топит Муму», из романа А.А. Фадеева «Разгром» – «Расправа казаков с Метелицей», «Допрос пастушонка», из «Молодой гвардии» – «Клятва молодогвардейцев», «Казнь предателя Фомина», «Казнь молодогвардейцев», «Руки матери» и мн. др. Не все дети при этом проникались «ненавистью к врагам», возникали и другие эмоции:

Литература не на всех одинаково действует конечно. Я не любила «Молодую гвардию» из-за описаний жестокости. Там их (молодогвардейцев – Е.М.) деятельность занимает четверть книги, а остальное все пытки и их пребывание в камерах. И вообще плохая книга, язык безобразный. Или, например, «Тарас Бульба»... тоже, знаешь, хорошего мало... Такой натурализм... но там все-таки язык... есть о чем подумать. И еще Шолохова не любила, конечно. Все эти кишки выпущенные, черви, копошащиеся в ранах, отец сына убивает, потом опознает по родинке на ноге... Не помню, в чем там суть была, но читать неприятно. У Шолохова много такого... (Е.К., 1966 г.р., врач, Санкт-Петербург).

Я помню, после «Детей подземелья» я предложила маме с папой усыновить одноклассника, у которого были родители алкоголики. Очень много читали Блока, был блоковский вечер, а когда был последний урок литературы, учительница принесла в класс блокнотики, надписанные нашими именами, и попросила каждого написать любимые цитаты. Такой блокнотик... Сверху имя-фамилия, а потом цитаты. Мы передавали их друг другу. Все разное писали. У меня долго хранился этот блокнотик с цитатами, вписанными туда одноклассниками. Жаль, что я его потеряла. (Е.В., 1967 г.р., учитель, Санкт-Петербург).

Эмоциональное восприятие натуралистических подробностей, которое, по мнению методистов, должно было «укреплять морально-волевые качества юношества», зачастую вызывало естественное желание отстраниться от тяжелых впечатлений. Так, Н.Т. (1966 г.р., врач, Мурманск) вспоминала о том, как она в середине урока, когда учительница зачитывала «кусочек про шевелящийся шурф» (подразумевается сцена казни молодогвардейцев из романа А.Фадеева «Молодая гвардия»), попросила разрешения выйти из класса, «как бы в туалет, чтобы этого всего не слышать». Среди высказываний информантов встречаются и рассказы об иронически-отстраненном отношении к психотравмирующим текстам, и даже откровенное ерничаение. Например:

А над Тарасом Бульбой издевались. «Я тебя породил, я тебя и убью». А говорили «Чем тебя породил, тем тебя и убью» Вот это я точно помню. А читал я тогда другую литературу. Лем, Стругацкие, Кир Бульчёв. Еще помню, Короленко проходили. Помню, дети какие-то сидели в каком-то подземелье. Трогательная какая-то история. Я все время путаю с Катаевым. Или это не Катаев... где дети в подземелье комиссара какого-то прятали, или командира, в общем, нашего человека... какие-то дети. «Преступление и наказание» я дочитал до письма Раскольников, дальше не мог читать. Тошнота подступала к горлу. Потом после школы читал всего Достоевского, но «Преступление» – снова до письма Раскольников. Какое-то слезливое письмо он написал матери. (Твардовского читали что-нибудь? – Е.М.) - Да, было. «Переправа, переправа, берег левый там чего-то... Кромка льда, кому память, кому слава...» Не понравилось. <...> И Лермонтова любил очень. Было любимое стихотворение «Смерть поэта». Я его на бис исполнял. Нет, много помню: «Мы говорим Ленин – подразумеваем Партия». «Вот так всегда: говорим одно, подразумеваем другое». «Что это вы делаете тут, столько больших дядей? – Что? Социализм – свободный труд свободных собравшихся людей!» Маяковского очень любил. (А.В., 1958 г.р., химик-технолог, Санкт-Петербург).

Я помню песню про старуху-процентщицу Алену Родионовну (sic!- подразумевается Алена Ивановна из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского – Е.М.): «И старушку по макушке стукнул он не с кондачка, и остались от старушки два несчастных башмачка». *Еще смеялись над этим... «гангрена, гангрена, ему отрежут ногу... по самое колено...»* Больше помнится музыкалка

(музыкальная школа-Е.М.) <...> *Когда И.С. читала «я стреляю, и нет справедливости справедливее пули моей»... (подразумевается стихотворение «Итальянец» М. Светлова, не входившее в школьную программу, но исполнявшееся на митингах в День Победы, – Е.М.). У нее таким голосом получалось... на весь зал... Это помню...(Е.В., 1966 г.р., химик, Мурманская область – Москва).*

Герасим и Муму (рассказ И.С. Тургенева «Муму» – Е.М.) *я до сих пор пережить не могу. И в школе плакала, просто потому что знала с чужих слов, что Герасим ее утопит (это место пропустила, читать не стала, потому что девочки сказали, что утопит). И вот это еще: «покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег» (С.Есенин – Е.М.). Это не поэзия. Так нельзя писать. И все остальное – как она бежала, скулила, руки лизала – это невыносимо для человеческого сердца. <...> «Белый Бим Черное ухо» Троепольского – это я вообще не читала, и кино не смотрела. <...> (Н.Д., 1952 г.р., преподаватель, Петрозаводск)*

Во многих интервью цитируемые и упоминаемые художественные тексты объединены темой смерти и личного долга, связаны с тяжелыми, трагическими событиями (см. о кибировской цитате из А.Межирова ниже). Это объяснимо: школьная жизнь и, как ее часть, уроки литературы, строились в соответствии с доминантами общественной жизни. Нормальность, «естественность» возможной скорой смерти за идею⁵ жила в школьной программе и поддерживалась концепцией приоритета эмоционального восприятия текстов над рациональным. Вот как об этом вспоминает Н.Д.:

Как ты понимаешь, я училась прекрасно по литературе. Твердая пятерка у меня была. За что мне ставили пять с плюсом? Я могла через пень-колоду содержание знать, и – дуй до горы! Очень эмоционально писала, и это приветствовалось. Потом уже стала сама преподавать, стала читать тексты и думаю: что я за ученица была в школе? Это сейчас я понимаю, что нужно, чтобы читали, чтоб видели, что там написано. <...> Наслаждения словом в школе не было. Дома – да, нам отец читал вслух, очень много Пушкина. А школа – я всегда знала, что им надо. Им и не нужно было знание

⁵ «Считалось счастьем - принести себя в жертву, каждый был к ней готов. Будущее, которое должно стать прекрасным, всегда жило под знаком смерти, жертвы, которая от любого из нас могла потребовать в любую минуту. Вокруг все время погибали люди, много людей. Мы к этому привыкли. Погибла моя жена. Я мог погибнуть... [Алексиевич:1993].

текста. Что-то другое нужно было. Вот 60-е годы – время особенное. Много мы наизусть читали, учили наизусть. Я помню, как я читала «Гренаду» и по моей щеке потекла предательская слеза. Потом мне это одноклассники вспоминали, когда мы встречались классом (Н.Д., 1952 г.р., преподаватель, Петрозаводск).

Было плохо, но не с программой, хотя и в этом дело, но и со способом преподавания. Как это нам втюхивали, как предмет, связанный с идеологией. <...> Я изучал две литературы, потому что жили мы на Украине. Преподаватели были разные и разнополые, но ощущения остались одинаковые. (М.Б., 1951 г.р., программист, Санкт-Петербург).

1. 3. **Сочинение.** Действенность обучения «родному языку» обеспечивалась разработанной методикой обучения сочинениям. Основу работы составляло собирание материала на основе наблюдений (варианты: над картиной, над текстом, над действительностью), которыми должен руководить учитель:

Процесс следования от незнания к знанию увлекает учащихся. Им нравится узнавать новые слова и выражения, понимать их значение, нравится употреблять их не только в сочинении, но и в повседневной устной речи. Но наблюдениями должен руководить учитель. Дети, предоставленные самим себе, не увидят того, что является важным для раскрытия данной темы (Система обучения: 1967, 86).

Умение писать сочинения складывалось на основе «целевого чтения» (нахождения нужного материала), создания кратких выписок, умения подать цитату, то есть связать ее с предыдущим и последующим: «Дети должны практиковаться в планомерной и мотивированной подаче цитат, в умении развертывать их содержание своими словами, замечаниями от себя» (Рыбникова: 1958, 414).

Существовали и общие схемы написания сочинений на определенные темы. Например, тема «Образ NN в произведении X» (характеристика литературного героя) предполагала описание «первой встречи» с героем, его портрета, первого впечатления, расширения характеристики на основе анализа его поступков и выражения заключительного мнения ученика о герое (как изменилось впечатление по сравнению с первоначальным, каково личное отношение к этому герою). Особое внимание учитель уделял двум элементам сочинения: «Каково твое ЛИЧНОЕ мнение по этому поводу? Как бы ты поступил на

месте героя?» Активизация Я, которое связано с МЫ, выливалось в форму сочинений от лица литературного героя (эта практика была распространена до сер. 1980-х, но единичные случаи есть и в современной школе). Так, например, ученикам предлагалось написать от первого лица «Исповедь Катерины» (по драме А.Н. Островского «Гроза»), «Письмо Раскольникова сестре (по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»), «Дорогая Клава!.. (письмо крановщицы Аллы подруге Клаве из Сибири)» (Свободные диктанты: 1967, 2007).

Посещать уроки и оставаться при этом вне сферы воздействия школьной программы было практически невозможно: виды работ на уроках литературы были настолько разнообразны, что даже слабый ученик оказывался вовлеченным в работу. Для того чтобы цитаты запоминались, использовали, например, написание «подготовительных карточек» для сочинений, выполняли задание «продолжи фразу» («Коммунизм – это молодость мира, и...»; «Некрасов с любовью и болью описывает...»; «Татьяна и Ольга очень разные: Татьяна – ..., а Ольга ...»), воспроизводили письменно текст, написанный на доске учителем (предварительно его читал учитель, второй раз читали хором, третий раз – самостоятельно, молча, после чего учитель стирал текст с доски, а ученики должны были воспроизвести его в тетради). На уроках русского и иностранного языков, литературы и истории использовался «метод снежного кома» (первый ученик произносил первую фразу рассказа, второй – первую и вторую, третий – первую, вторую и третью и так далее, последний же рассказывал текст полностью).

Умение автоматически воспроизводить цитаты из школьной программы формировалось на основе единства принципов преподавания литературы и русского языка, складывалось на основе единых методов подготовки и проведения сочинений и изложений. Язык школы становился языком повседневного общения, как будто создавая видение действительности, которое казалось общим и естественным.

1. 4. Школьная цитата в повседневном общении. Методические указания к урокам литературы и русского языка упрощают поиск тех речевых оборотов, которые вошли в язык повседневного общения. Они разнородны по степени узнаваемости связи с источником. «Программная» классика осознается только теми, кто учился до начала 1990-х. Связь цитат с литературным источником обычно очевидна: «живее всех живых» (В. Маяковский), «чтобы не было мучительно больно» (Н. Островский), «бессмысленный и беспощадный» (А. Пушкин), но более интересны случаи, когда говорящий чувствует, что источник есть, но не знает, какой именно. Так, например, на форуме

Lingvo (Москва, 2007) обсуждается вопрос о происхождении цитаты «учись, пока я жив». Автор ответа (псевдоним Booker) пишет:

Именно в таком виде она всегда, наверное, была. Слова обладателя сакрального знания, обращённые к ученику. Например: – *Сынишка!.. – глухо шептал Игнат. – Милый ты мой... радость ты моя!.. Учись, пока я жив... э-эх, трудно жить!* Максим Горький «Фома Гордеев», 1899. Но широкое распространение, думается, связано с двумя фактами: а) фильмом «Операция Ы» (сцена на стройке). Персонаж Алексея Смирнова обращается к Шурику: «Учись, студент, пока я жив». б) анекдотом про сантехников. Что было раньше – не знаю, но я раньше увидел фильм (Форум: 2007).

Наши данные не опровергают это мнение, но объясняют как высокую частотность этого выражения, так и его жизнеспособность. Источником этой цитаты был рассказ «Борькина слава». В 1960-е гг. было принято писать изложения по рассказам, публикуемым в детской и юношеской периодике. В том числе методикой было предписано использовать для этих целей и рассказ «Борькина слава» (Гамм: 1959, 72-73). Этот же текст использовали для составления так называемого «рассказа по началу», когда ученикам зачитывали начало рассказа, а затем они должны были «дописать» текст. Отрывок, который слушали ученики, и включал в себя описание поведения Борьки, который вызывал на кулачный бой малышей и гордился своей физической силой:

Но малыши прятались друг за друга и молчали. Тогда Борька сам выбирал какого-нибудь «борца», который от страха еле стоял на ногах, брал его в охапку, бросал на кучу травы – «на ковер» – и, довольный своей победой, вопил: «Победу одержал Черный Принц!» И добавлял: «Учись, пока я жив!» (Гамм: 1959, 72).

В изложении ученики должны были выразить свое отношение к поведению Борьки, объяснить, что такое поведение недостойно пионера, что обижать слабых нехорошо. Интерпретация этого выражения в связи с историей преподавания русского языка объясняет и почему оно используется именно в ситуациях мнимого превосходства говорящего над адресатом, и почему вошло в анекдоты.

Школьные уроки оставили в языке довольно много выражений: «но я другому отдана», «друг степей» (А.С.Пушкин), «редкая птица долетит до середины Днепра» (Н.В.Гоголь), «тварь ли я дрожащая» (Ф.М.Достоевский), «дубина народной войны» (Л.Н.Толстой), «лягушек резать» (И.С.Тургенев), «после первого стакана не закусьваю»

(М.А.Шолохов) и др. но все они, укрепившись в языке повседневности, естественным образом утратили связь с высокой проблематикой.

Фонд цитат из школьной программы постепенно разрушался в постперестроечный период, однако его жизнеспособность сформировала основу языка повседневного общения поколения тех, «кому за тридцать». Особую роль в формировании этого языка сыграл школьный опыт приобщения к тем ментальным процедурам, которые считаются «нормальными», «естественными» в обществе. (Учебный текст: 2008). «Естественной» процедурой является использование цитат из школьной классики в языке повседневности. Общностью школьной биографии создается единство «общих мест», служащих «средством упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать ее обозримой для рассудка» (Аверинцев:1996).

2. От языка читателя к языку поэта

2.1. О поэтических репутациях Т. Кибирова и Вс. Емелина

Тимур Кибиров и Всеволод Емелин – поэты, несопоставимые по популярности у критиков и литературоведов, не говоря уже о различии литературных репутаций.

Работы о Тимуре Кибирове появлялись еще во второй половине 1980-х, причем довольно быстро определились основные модели отношений к его стихам: от восторженного до пренебрежительного. Эта противопоставленность оценок филологов соответствует читательскому разнообразию мнений. Ярким доказательством тому служат две приведенные ниже цитаты:

Это было ощущение, близкое к счастью: *появился наш поэт* (курсив здесь и далее мой – Е.М.). Наши мечты, нашу ненависть, наши страхи, наши кухонные разговоры он отчеканил во времяустойчивые, потому что – стихотворные, строки. Он стал голосом нашего и предыдущего поколений, сказал за нас то, что мы должны были сказать, но по косноязычию не умели. (Лекманов: 2006)

Кибиров, собственно, всегда был певцом обывательского сознания, что не диво; диво то, что он – чуть ли ни единственный в истории русской поэзии – этого ничуть не стеснялся. <...> Кибиров, что ни говори, был рожден поэтом, но - *маленьким-маленьким* (Шубинский: 2000)

Отношение к поэзии Вс. Емелина также противоречиво, но по-своему: здесь ярче выражено противостояние критики и массового читателя. Критика, признавая популярность этих стихов, выполняет свою непосредственную – критическую – функцию, т.е. указывает на внелитературность, непоэтичность, примитивизм, инфантилизм, цинизм, его текстов. Так, для В. Губайловского очевидно, что «поэзия Емелина — это именно непоэзия или внепоэзия», что она «формально вторична или даже третична» (Губайловский:2005). А. Коровин пишет: «А теперь скажите: ну за что его любить?! Емелин чудовищно неполиткорректен⁶ — да! И это тогда, когда политкорректность — религия нашего времени!» (Коровин:2008). За пределы оценочных суждений, касающихся содержания, критика пока не выходит.

В отличие от Т. Кибирова, которого читают уже около двадцати лет, Всеволод Емелин стал известен относительно недавно (видимо, последние 5-6 лет), но при этом стал самым популярным поэтом 2007 года (Топоров: 2008). Когда речь идет о поэтах непризнанных или малоизвестных, вопрос о том, «как сделаны стихи», как будто уходит в сторону, заменяется вопросом «стоит ли это читать» или раздраженно-ироничного «да кто это читает?!». Однако достаточно посмотреть количество посещений живого журнала Емелина по адресу <http://emelindlivejournal.com>, чтобы убедиться в его постоянно растущей популярности, поэтому имеет смысл воспринять вопрос «кто это читает» буквально. Разброс читательских интерпретаций очевиден⁷: его стихи читают либо как ироничные, либо как совершенно однозначно толкуемые, чуждые всякой иронии, «патриотические» (с разнополюсными коннотациями этого понятия)⁸.

⁶ А. Коровин заканчивает рецензию так: «В силу неполиткорректности многих стихов из книги автор рецензии не смог их процитировать, за что приносит извинения читателям и рекомендует читать саму книгу.» (Коровин:2008).

⁷ Возникает вопрос о соотношении уровня речевой культуры и способности читателя опознавать иронию, а также о жизнеспособности иронии в условиях низкого уровня речевой культуры. Читатели, словно соревнуясь с Емелиным в интолерантности, оставляют отзывы наподобие: «Сам перечитай слова этого придурка Емелина. Много смысла в них? Да кроме национализма, выраженного детским слогом, ничего.» (<http://revolver.ru/socium/16885> от 14.08.2007). Газета «Известия» предлагает применить к Вс. Емелину Уголовный кодекс: «Мы позвонили в пресс-службу ФСБ с вопросом, намерены ли чекисты обратить внимание на это стихотворение. (подразумевается текст, описывающий поджоги машин в Москве – Е.М.) Однако в этом ведомстве нам ответили, что «пока не занимаются этим». А между тем среди пользователей интернета стихотворение Емелина пользуется огромной популярностью.» <http://www.izvestia.ru/incident/article3117122/>.

⁸ Эта проблема решается филологами на основе применения к информантам и их речи разных критериев (способность порождать, понимать, воспроизводить, интерпретировать текст). Она не может быть безусловно решена применительно к

Вероятно, единственное, что не вызывает сомнений ни у литературоведов, ни у читателей, это факт «школьной эрудиции» поэтов и их привязанность к цитатам из «советской классики». В. Губайловский пишет о Емелине: «Он использует форму настолько залакированную, что она уже сама по себе пародийна. Это Эдуард Асадов, садистская частушка и застольный “Хасбулат удалой”, отраженные и освоенные восприятием среднесоветского человека» (Губайловский:2005). Литературным цитатам в творчестве Т. Кибирова посвящено множество исследований (Лекманов, Чередниченко: 1995; Фальковский, Кибиров: 1999; Маркасова: 2000; Багрецов: 2005 и др.).

В качестве предварительной работы нами были составлены таблицы, в которых отражались такие сведения: фрагмент из стихотворения, источник цитирования из школьной программы (цитаты, не связанные с программой, не анализировались), возможность другого (не программного) источника, «поддерживающий» фактор (наличие цитаты в языке Интернета).

Безусловно высокая литературная репутация Кибирова и внепоэтическая репутация Емелина заставляют вспомнить о двух вещах, важных для анализа материала. Во-первых, «стихи не одним лишь талантом порождаются, а и всеми бедами, страстями, слабостями и радостями живой человеческой плоти, ее болевым опытом, ее волей и силой, потом и трудом, голодом и жаждой» (Эфрон:1989). Во-вторых, есть ситуации, когда читательские вкусы исследователя должны отступить на второй план, поскольку возможность объективно рассмотреть языковые процессы в социально-историческом аспекте возникает лишь при условии выхода за пределы личного отношения к тексту.

2. 2. Вс. Емелин «Песни аутсайдера» (2003)

Количество школьных цитат у Емелина значительно. Есть тексты, целиком построенные из цитат. Например, стихотворение «Смерть украинца», которое – верный признак «внепоэзии» - критик удовлетворен! – можно пересказать. Текст начинается измененной цитатой из «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина («Скажи мне, кудесник, любимец богов...»): «Скажи мне, арбайтер, сын вольных степей,/

Зачем ты собрался в дорогу?» Речь идет о гастарбайтере, приехавшем в

читателям Емелина, поскольку они часто используют маски малограмотных и убогих юзеров, словно «соответствуя» лирическому герою Емелина. Например, один из его почитателей пишет: «Поэты - люди особенные. Я им всегда удивляюсь. Они знают наизусть не только всего себя, но многих пушкиных и мандельштамов. Поскольку такое мне не под силу, вынужден уважать» (Орфография и стиль оригинала сохранены - Е.М.).

Москву из Украины строителе-умельце (судя по тому, насколько разные работы он может выполнять), который умирает на стройке.

Объект сдан в срок, «все было как надо: / фуршет, торжество,/ Там фирма «Гренада», / Теперь ТОО./ <...> И принтер жужжит/ На зеркальном столе/ Не надо тужить / о несчастном хохле!» По ночам, когда «кабаки в безбрежной печали зажгут маяки» в здании бродит призрак «мечтателя-хохла»: «Суров он и мрачен, / И страшен на вид, Он – полупрозрачен, / Проводкой искрит. / Он хладен, как лёд, / Бледен, как серебро, / И песню поёт / Про широкий Дніпро».

Цитаты, из которых составлен текст, в принципе не могут существовать изолированно, в языке повседневности они живут как всякий коммуникативный фрагмент. Б.М. Гаспаров пишет: «Сколько бы я ни силился представить образ «травы как таковой», мне это не удастся; каждый раз он растворяется в целой образной среде, в которой он оказывается неотделимым от бесчисленных других образов, принадлежащих к той же среде в качестве ее аксессуаров: трава в лесу, в поле, во дворе, в комнате, в руке, под ногами, под стеклом, на рисунке. *Каждой такой среде соответствуют в арсенале языковой памяти известные выражения и ходы их развертывания*» (Гаспаров:1999, 249).

Аналогичный процесс происходит и в тексте Емелина: образ украинца последовательно тянет за собой образы Киева, вещего Олега, князя Владимира, Тараса Бульбы и сечевиков из повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, Тараса Шевченко и «мечтателя-хохла» из «Гренады» Михаила Светлова, Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели». Школьная память сохранила описания Остапа и Андрия из «Тараса Бульбы»: «На них сафьяновые красные сапоги, с серебряными подковами, шаровары шириною с черное море, с тысячью складок, перетянутые золотым шнурком. Их лица немного ... с черными усами. На голове бараньи шапки с золотым верхом» <...> настоящая казацкая папаха, чуб, торчащий на голове, длинные усы, / суровый взгляд» (В тексте Емелина: «*Не вьются уж по ветру чубы <...> Где ваши вожди, что блестя сединой, / Пируют на вольном просторе?!Шуршат шаровары на них шириной/ С весёлое Чёрное море./ Где хлопцы из прежних лихих куреней / в заломленных набок папахах...»).*

<...>

Он медлит с ответом *мечтатель-хохол*,
Он делает взгляд удивлённый,
И вдруг по стене он сползает на пол,
Сырой, непокрытый, бетонный.

– Оставь меня, брат, я смертельно устал,
 Во рту вкус цветного металла,
 Знать злая горилка завода “Кристалл”
 Меня наконец доконала.

<...>

В могилу унёс он ответ мне. Увы...
 Открыли объект к юбилею Москвы.

Цитата, означающая преемственность безысходности, не просто отсылает к «советскому детству», она тянет за собой шлейф памяти, реанимируя у читателя детское отношение к литературе: переживание события текста как здесь-и-сейчас события⁹: «Последняя судорога резко свела / Его бездыханное тело, / Как птицу ту, что к середине Днепра/ Летела, да не долетела». Память «мечтателя-хохла» увековечена в соответствии с советской традицией: там, где он умер, «фирма «Гренада»/теперь ТОО».

История современного «маленького человека», данная в традиционной школьной интерпретации, находит соответствия и в языке «Новой газеты».

...ползи по предлагаемым обстоятельствам, как Маресьев. И «гастарбайтер» ползет через 1990-е, не теряя человеческого облика. Если книжка (роман Э.Багирова «Гастарбайтер» - Е.М.) привлекла широкого читателя именно этим — не безнадежны и мы. Из Львова, из Лыткарина, Иркутска, Капотни, из г. Мары (понятно, что Москва была и будет Вавилоном!) прибывает и лепится новая порода российских маленьких людей: неубиваемые г-да Башмачкины... (Дьякова:2007)

У Емелина есть тексты, в которых высмеивается сам подход к действительности, основанный на опознании лишь тех реалий, о которых можно говорить на языке цитат. Так сделано «Письмо читателя газеты “День” в редакцию журнала “Огонек”».

На мне уж волосы седые,
 –Но всё равно, я не пойму
 Зачем вы продали Россию?
 Почём? И, главное, кому?

⁹ Вероятно, сказывается и тот факт, что Емелин пишет о событиях, которые в официальных источниках описываются языком эвфемизмов.

Но вижу, вы кому-то злому
Продали родину мою.
Вы сняли памятник Свердлову,
Убили царскую семью.
<...>
Ни капли не благоговей,
Закрыли вы монастыри.
Да что там! Вы из мавзолея
Чуть Ленина не унесли!
<...>
Мы встанем против царства рока,
Пылая праведным огнём,
С зелёным знаменем Пророка,
С святым Георгием на нём.
<...>
Мы выйдем, всё вокруг сметая,
Врагов погубим навсегда,
Над нами Троица Святая
И Серп, и Молот, и Звезда.
<...>
Национально и соборно
В стране устроим Третий Рим.
Закроем видео и порно.
И ваш журналчик запретим!

Человек, чье мнение никого не интересует, словно продолжает мыслить школьными советскими представлениями о значимости личного отношения к событиям чужой действительности (будь это чужая личная жизнь или факты государственной политики). Смысл чтения для этого героя в том, чтобы запомнить необходимый коммуникативный фрагмент и воспроизвести его при случае, а понимание происходящего факультативно. В начале письма он спрашивает: «Зачем вы продали Россию?! Почём? И, главное, кому?», – а дальше обвиняет редакцию «Огонька»: «Ни капли не благоговей, / Закрыли вы монастыри. / Да что там! Вы из мавзолея / Чуть Ленина не унесли!» И смешна, и печальна угроза («Мы выйдем, всё вокруг сметая, / Врагов погубим навсегда, / Над нами Троица Святая / И Серп, и Молот, и Звезда»), основанная на искажении цитаты из С.Я. Маршпака («Не будет недругом расколот / Союз народов никогда. / Неразделимы серп и молот, / Земля, и колос, и звезда!»). Она обнажает беспомощность человека, оставшегося в рамках школьной прагматики и пытающегося сохранить

здравый смысл с помощью привычных процедур: прочитал – запомнил – воспроизвел. Поэтому «читатель газеты «День» пишет в журнал «Огонек». Ему безразличны концепции этих изданий, поскольку советский опыт говорит ему о том, что все газеты пишут примерно об одном и том же, а информацию из разных источников нужно суммировать, а не сравнивать. Суммирование полно противоречий, что совершенно невыносимо для сознания героя, поэтому он предлагает «запретить журнальчик».

Тема личной ответственности¹⁰ («Я отвечаю за все!», «Кто, если не ты!..») настолько въелась в сознание лирического героя Емелина, что в постсоветскую эпоху он по-прежнему применяет эту мерку к чужим поступкам. Может быть, это и приводит в растерянность многих читателей. Ведь в стихах Емелина эти «вживания» чередуются и не дают понять, где же сам Емелин, а где его герой: школьная тактика «вживания» в другую жизнь гармонично сочетается с выбором языка школьной программы, соответствующего уровню культуры лирического героя. Так, в интервью газете «Коммунист» Емелин, публикующийся в «Новой газете», отвечает корреспонденту:

– Для Вас что-то святое в жизни есть или Вы над всем стебетесь?
 – Боюсь, что ничего святого для меня в жизни нет. Но я не совсем стебусь. Стебется Иртеньев <...> Но дело в том, что Иртеньев действительно стоит на определенной позиции и с этой позиции стебется. Вот, скажем, есть у него стих про землекопа, который траншею роет: «Русоволосый, конопатый, предрасположенный к вину». Иртеньев видит этого человека как отдельный от себя объект, который смешон, глуп. А я одновременно и вижу объект со стороны, и ощущаю, что я сам такой же. Я никогда не пишу о тех, кто мне совершенно чужд. Так что это с одной стороны стеб, с другой исповедь.

2. 3. Т. Кибиров. Сантименты. Белгород. 1994.

В поэзии Т. Кибирова нет такого нагнетания школьных цитат, как у Емелина. Они сосуществуют с цитатами из других текстов и не выглядят

¹⁰ Острое чувство причастности ко всему происходящему приводило школьников к мысли о возможном собственном несоответствии уровню «пионеров-героев», «настоящих комсомольцев», «патриотов своей родины». Вот как вспоминает об этом Н.Д. (1951 г.р.): «Мы писали изложение про Зою Космодемьянскую, как она попала в плен к фашистам и на допросе ничего не сказала. Ты помнишь, там: «Нет. Не знаю. Не скажу...» Мне все потом повторялся сон, что я на допросе, я будто бы Зоя, но я боюсь фашистов, и так страшно, что я не выдержу и все расскажу. И друзей стыдно, и хочется, чтобы этого ничего не было, чтобы я больше не была Зоей. Такой вот сон.»

такими прямолинейно-назойливыми, как в «Песнях аутсайдера». «При этом всевозможные элементы «чужой речи» сплавлены у Кибирова между собой и вплавлены в единый текст так, что границы, отделяющие цитаты друг от друга или от «авторской речи», оказываются предельно размытыми» (Кибиров, Фальковский, 1997:290).

Примером объединения образов школьной программы в сюжет является поэма «Буран», для чтения которой в читательском бэкграунде должны быть, в первую очередь, «Капитанская дочка», «Зимний вечер» и «Бесы» А.С. Пушкина, «Двенадцать» А.А. Блока, «Вишневы сад» А.П. Чехова, «Ленин и печник» А.Т. Твардовского. Структура первой («зимней») части поэмы может быть воспринята как опирающаяся на главу «Вожатый» из повести «Капитанская дочка». Вряд ли найдется читатель, для которого это сочетание образов (*буран – заячий тулупчик*) не было бы связано с проблемами “личность и власть”, “милосердие и чувство долга” и пр. Архаичный мотив неопознанного вождя, который был известен в мифах разных народов и периодически возникал в литературе, выглядит у Кибирова смешным, переносит идеологически нагруженные образы, казавшиеся советскому человеку «высокими», в сферу карнавальной культуры.

Герой «Бурана», замерзающий в снежной степи, не может опознать “великого вожатого” (Ленина? Сталина?), как и Петруша Гринев – своего спасителя (в главе «Вожатый»). По тем деталям, которые отмечает герой в поведении «незнакомца» («Кто ж такой фотогеничный? Я не знаю лично!»), можно предположить, что он, как Маша Миронова в «Капитанской дочке» (глава «Суд»), догадывается, с кем имеет дело. Как в “Капитанской дочке” Петруша Гринев видит во сне батюшку, который затем превращается в «мужика с черной бородой», так и герою «Бурана» снится дедушка Ленин. Образ дедушки Ленина совмещается с образами других “вечно живых” покойников, а мимо “спящего” героя проходят произведения из школьной программы: «А потом пойдут – *крыжовник, / яблоки зеленые, / и оскому я набью / черною смородиной*». Зайчик, с которым разговаривает герой поэмы («Вдруг откуда ни возьмись зайка объявился») оказывается в финале игрушкой, одноухим деревянным зайцем (а не зайцем, спасенным Дедом Мазаем, и не намеком на «заячий тулупчик»). Школьные навыки рассуждений о том, что за словом кроется идея, идеология, у Кибирова затмеваются открытием: слово может быть вырвано из конкурирующих в сознании школьных советских контекстов и означать только то, что оно означает в здесь-и-сейчас событии.

Травматичный опыт школьного чтения прорывается у Кибирова совсем неожиданно. В поэме «Сквозь прощальные слезы» цитируется строка из стихотворения А. Межирова «Коммунисты, вперед!»,

упомянутого нашим информантом А.В. (1958 г.р.): «И соляркою, и комбижиром/ В *феврале на холодной заре*». В источнике: «и пошли головные бригады ко дну, под волну, на *морозной заре в декабре*». Отец Т.Кибирова, Ю. Запоев вспоминает о том, как его сын участвовал в самодеятельности, был в комсомоле и «стихи читал так хорошо, <...> «Коммунисты, вперед» Межирова, «Гренада» Светлова» (Интервью: 2008). Отголоски «Коммунистов...» звучат в «Лесной школе»: «В *феврале на заре* я копаюсь в золе,/ я дрожу в *феврале на заре*. <...> В *феврале на заре* я копаюсь в золе,/ я ищу да свищу на заре. <...> В *феврале на заре* сеем ленконопель,/ невзирая на хмель и метель. <...> В *феврале на заре* мы лежим на земле,/ согревая друг друга в золе» <...> Замена декабря на февраль – возможная аберрация памяти.

Совершенно созвучны емелинским кибировские цитаты из «Гренады» М. Светлова (Мой мечтатель-хохол окаянный, / Спой мне песню: Гренада, Гренада / Спойте, мертвые губы: Грена...<...> И покинули хаты ребята,/Чтобы землю в Афгане...).

Погоди, я тебя не обижу,
Спой мне тихо, а я подпою.
Я сквозь слезы прощальные вижу
Невиновную морду твою.

Погоди, мой товарищ, не надо.
Мы уже расквитались сполна.
Спой мне песню: Гренада, Гренада,
Спойте, мертвые губы: Грена...

При этом Т.Кибиров, в отличие от Вс.Емелина, сохраняет дистанцию между собой и своим героем, становится по отношению к нему либо собеседником, либо наблюдателем («Ты хорошая, Юля Петровна!», «Будем мещанами, Леночка!», «Они сидят в обнимку на тачанке», «Поговорим о бурных днях Афгана» и др.) В сборнике стихов «Сантименты» полное погружение в чужое «Я» - редкость.

Связь школьного опыта с языком поколения находит подтверждение и в прямых высказываниях прозаиков. Так, в передаче «Куда идет русская литература?» («Эхо Москвы») А.Геласимов, отвечая на вопрос о том, что такое «поколенческая литература» и что объединяет писателей в одно поколение, говорит: «Объединяет комсомольское прошлое. И, знаете, советская школа восьмидесятых годов» (Ларина: 2007). Высказывание А. Геласимова обозначает не что иное, как единство детских воспоминаний представителей одного поколения, и –

следовательно – способность быть опознанными друг другом не только по языковым клише, но и по выбору тем и героев, общности коннотативных значений. Не случайно А.Зайончковский в этом же интервью говорит о том, что *«довольно четко структурируется в поколенческом смысле наша литература»*, и добавляет: *«Я думаю, что мы с Андреем (Геласимовым – Е.М.)... относимся к поколению вот этих самых сорокалетних и до 50 ... а молодежь, молодежь пишет иначе.»* (Ларина:2007).

Язык «сорокалетних и до пятидесяти» - это общий язык Вс.Емелина, Т.Кибирова и тех информантов, чьи рассказы о школьной литературе в 1960-70 гг. были включены в эту статью. Язык советской школьной эрудиции делает возможным массовое чтение этих поэтов читателями. Незнание школьных цитат приводит к их прямолинейному, буквальному пониманию.

Выводы

Отношение к литературе в школе не могло быть и не было унифицированным. Как показывают наши интервью, многое зависело от личных психологических особенностей ученика, индивидуальной манеры преподавания учителя. По-разному воспринимались и психотравмирующие тексты: от вымещения их из сознания через высмеивание, ерничание, до отказа читать их. При этом – независимо от эмоциональной составляющей восприятия – информанты владеют языком школьных цитат. Объяснение очевидного через цитату было нормативным для советского школьника, когда, по словам М. Айзенберга, *«сознание не фокусировалось на тех вещах, что составляли реальное содержание жизни, и часто пропускало основные впечатления, не посчитав их достойным материалом, потому что эти вещи не совпадали с какими-то образцами, принятыми ориентирами»* (Айзенберг: 2007).

Школьное прошлое по-разному проявляет себя у Кибирова и Емелина. У Кибирова преобладает возможность снисходительно, повзрослому, из своего сегодня взглянуть на детский опыт, улыбнуться наивности мироощущения советского школьника, посмотреть на советское прошлое без характерного для конца 1980 – начала 1990-х обличительного пафоса. В «Песнях аутсайдера» Емелина присутствует другая смысловая доминанта: взглянуть на сегодняшнюю «взрослую» жизнь глазами ребенка, которому обидно за Башмачкина, страшно оттого, что Герасим утопит Муму, отец может убить сына, Базаров умрет, а солдата могут расстрелять, потому что он *«не будет пить за победу немецкого оружия»*. Цитаты из школьной программы,

банальные в повседневном общении, в языке поэзии оказываются способны возвращать человеку «лелеющую душу гуманность», оградить его от идеи, выраженной в поговорке для взрослых: «живя на погосте, всех не оплачешь».

Если в лирическом герое Кибирова многие узнают себя (Ермолин: 2006), то узнать себя в лирическом герое Емелина захочет не каждый, и не только потому, что цивилизованному человеку трудно найти в себе черты героев Емелина, но и потому, что стихи его слишком трагичны. Этот трагизм является продолжением того мироощущенческого трагизма, который генетически связан со школьным опытом изучения литературы, ранними детскими переживаниями, обусловленными изучением программных произведений.

Литература:

- Аверинцев, Сергей. 1996. «Риторика как подход к обобщению действительности», *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. Москва: Языки русской культуры. 1996: 158-90.
- Алексиевич, Светлана. 1993. Зачарованные смертью. 1993 //http://www.alexievich.org
- Айзенберг, Михаил. 2007. *Контрольные отпечатки*. Москва: Новое издательство, 2007: 188 .
- Багрецов, Дмитрий. 2005. *Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема интертекстуальности*. Екатеринбург, 2005
- Гамм, В. 1959. «Борькина слава», *Пионер* 4: 72-3.
- Гаспаров, Борис. 1996. Язык. Память. Образ. Москва: *Новое литературное обозрение*.
- Голубович, Ирина. 2004. «Биографический акт: на острие жизни и письма (соотношение нарративного и экзистенциального измерений)» *Філософські пошуки*. Вип. XVII-XVIII. Львів-Одеса. 588-597.
- Голубович, Ирина. 2006. «Экзистенциальное и нарративное измерение биографического акта», *Исповедальные тексты культуры. Материалы международной научной конференции*, Санкт-Петербург 18-19 ноября 2006 г./Под ред. М.С.Уварова . Санкт-Петербург:СПбГУ, 2006. 90:98.
- Губайловский, Владимир. 2005. «На границе абсурда», *Новый мир* 2005 №3 URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2005/3 (12.12.2007).
- Дарк, Олег. 1999. «Крушение космоса», *Неприкосновенный запас* 2(4) 1999, Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/1999/2/>(12.12.2007).
- Дьякова, Елена. 2007. Русские горки гастарбайтера: Мутации 1990-х: в России открыт и описан новый «маленький человек» URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/49/30.html> (18.07.2008)

- Емелин, Всеволод. 1999. Песни аутсайдера и другие стихотворения. Москва. Стихи ру URL: <http://www.stihi.ru/author.html?con> (10.05.2008)
- Ермолин, Евгений. 2001. «Слабое сердце», Знамя. 8 (2001).
- «Интервью с отцом Т. Кибирова» (Беседовал Игорь Сид), *ЛИТЕР.NET* (геопоэтический сервер Крымского клуба), URL: <http://www.liter.net/=Kibirov/zapoev.html> (10.06.2008).
- Казарян, О. "О бизнесменах я не пишу" (Четвертое интервью товарища Емелина), КОММУНИСТ.РУ 127 (09.06.2004), URL: www.comunist.ru/lenta/index.(05.01.2008).
- Коровин, Андрей. 2007. Всеволод Емелин. «Спам: Стихи».М., «Ракета», 2007, «Дети Ра» 2008, №4(42) . URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2008/4> (10.09.2008)
- Курицын, Вячеслав. «Абсолютно ничего, никого, никак» URL: www.guelman.ru/slava/writers/kib1.htm (06.01.2008).
- Ладыженская, Таисия. Баранов, Михаил. и др. 1967. «Свободные диктанты». Москва: Учпедгиз.
- Ларина Ксения. 2007. «Куда идет русская литература», Книжное казино. Эхо Москвы, 22 июля 2007 URL: www.echo.msk.ru/programs/kazino/53420/ (10.03.2008).
- Лекманов, Олег. 2006. «Тимур Кибиров глазами человека моего поколения», Тимур Кибиров. Кара-барас. 2002—2005. *Новый Мир* 9:64.
- Лурье, Светлана. 2002. *Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы*. URL: <http://svlourie.narod.ru/PA/Toc.htm> (03.09.2008)
- Маркасова, Елена. 2000. «Историко-культурный контекст постмодернистской цитаты (Времена года в поэме Т.Кибирова "Буран")», *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории* 2 Москва: Институт всеобщей истории РАН, (2000): 248-262.
- Маркасова, Елена. 2006. «У истоков новой нормативности: «Любовь к слову», риторический арсенал школьного образования 1920-х и языковая рефлексия 1990-х гг.» *Landslide of the Norm: Linguistic Liberalisation and Literary Development in Russia in the 1920s and 1990s. Slavica Bergensia* 6: 235-263.
- Опыт работы по развитию речи (V-VII классы)*. 1962. Под ред. Ладыженской Т. А. Москва: Учпедгиз. 54.
- Программа по русскому языку и литературе*. 1970. Москва: АПН РСФСР.
- Рыбникова, Мария. 1958. «Избранные труды», Москва: АПН РСФСР. 480.
- Система обучения сочинениям в 5-8 классах*. 1967. Под ред. Т. А.Ладыженской. Москва: Учпедгиз. 311.
- Сорокин, Василий. 1955. *Анализ литературного произведения в средней школе*. Москва: Учпедгиз.

- Топоров, Виктор. 2008. «Итоги литературного года. Часть 2» *Взгляд: Деловая газета*, 5 января 2008 URL:
<http://www.vz.ru/columns/2008/1/5/136001.html> (07.08.2008)
- Учебный текст в советской школе. 2008. Сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. Москва-Санкт-Петербург: Издательство Института логики, когнитологии и развития личности (ИЛК и РЛ). 48-77.
- Фатеева, Наталья. 2007. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. Москва: Комкнига.
- Фальковский, Илья и Кибиров, Тимур. 1997. «Утраченные аллюзии: Опыт авторизованного комментария к поэме «Лесная школа». *Philologica*, (4), № 8/10 (1997): 289—305.
- Форум Lingvo Москва, 2007. URL:<http://forum.lingvo.ru/actualpost.aspx> (09.01.2008)
- Чердниченко, Татьяна. 1995. «Песни Тимура Кибирова», *Арион*. 1.
- Шубинский, Валерий. «О Тимуре Кибирове: Волшебная палочка, или торжество добродетели», Проект «Литературная промзона», URL:
<http://litpromzona.narod.ru/reflections/shub3.html> (12.03.2008)
- Эфрон, Ариадна. 1989. Страницы воспоминаний URL:
<http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/ariadna/strvosp.html>
(Эфрон, Ариадна. 1989. *О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери*. Москва, Советский писатель.)